
Л. Е. ГРИНИН, А. В. КОРОТАЕВ

ГЛОБАЛЬНЫЙ СЕВЕР И ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ *

Роль Глобального Юга в мировой экономике и политике растет. Поэтому, с одной стороны, к странам, в него входящим, растет интерес у стран Глобального Севера. С другой стороны, увеличились противоречия между развитыми и развивающимися странами. Тем не менее общие цели, которые стояли как приоритетные перед большинством стран Мир-Системы еще недавно, никуда не делись. И их совместное решение объективно абсолютно необходимо. Поэтому проблема исследования стратегий и их достижения остается актуальной по-прежнему. В настоящей статье обсуждается необходимость избрания разных стратегий для различных групп стран для успешного движения к общим целям и уменьшения разрыва в уровнях развития.

Ключевые слова: Мир-Система, Глобальный Север, Глобальный Юг, развитые страны, развивающиеся страны, глобализация, деглобализация, общие мировые цели.

В настоящей статье обсуждается необходимость избрания разных стратегий для различных групп стран в целях успешного движения к признанным миром целям. Стратегии и политика зависят от различных причин и условий, включая демографию, природные ресурсы, исторические традиции и т. д., но особенно они зависят от уровней развития стран, которые очень различны. Наиболее важным и глубоким является разрыв между уровнями доходов развитых и развивающихся стран. Эти группы стран все чаще обознача-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2025. Глобальный Север и Глобальный Юг: перспективы развития. *История и современность* 2: 13–29. DOI: 10.30884/iis/2025.02.02.

For citation: Grinin, L. E., Korotayev, A. V. 2025. Global North and Global South: Development Prospects. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 2: 13–29 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2025.02.02.

История и современность, № 2, июнь 2025 13–29

DOI: 10.30884/iis/2025.02.02

ются терминами «Глобальный Север» и «Глобальный Юг»¹. Однако нередко случается, когда развитые страны, а также их (или мировые) организации навязывают развивающимся странам жесткие и практически однотипные программы экономического и социального реформирования, преобразования сельскохозяйственной или энергетической сферы и т. д. для достижения утвержденных мировых целей (таких как демократия, углеродная нейтральность, устойчивое развитие, уменьшение неравенства и несправедливости, повышение эффективности государства, темпы экономического роста, оптимизация потребления и т. д.)².

Эти программы разработаны на основе опыта развитых стран и зачастую не подходят для многих развивающихся стран.

Необходимо отметить, что хотя между развитыми и развивающимися странами по-прежнему существует большой разрыв, процесс Великой дивергенции (когда указанный разрыв увеличивался с начала XIX в.) в последние десятилетия сменился Великой конвергенцией, когда эта разница в развитии сокращается за счет повышения уровня развития в менее благополучных государствах (Акаев 2015; Садовничий и др. 2014; Гринин 2013; Коротаев, Гринин 2017; Baldwin 2017; Grinin, Korotayev 2014, 2015; Korotayev, de Munck 2013; Korotayev *et al.* 2011, 2015). Для этой конвергенции характерна неоднородность – разные темпы развития отдельных государств, на основе которых выделяются быстрорастущие государства и менее развитые государства, преимущественно страны Тропической Африки (Коротаев, Гринин 2016; Коротаев и др. 2014; Korotayev, Zinkina 2014; Grinin 2022).

Эта особенность требует различных подходов в решении общих для всех стран мира глобальных проблем. В связи с этим надо обратить внимание на необходимость формирования глобальных стратегий движения к устойчивому развитию с учетом различий в развитии и имеющихся возможностей. В одних странах развитие капитализма достигло такого уровня, при котором он уже исчерпы-

¹ Согласно ООН (What... 2019), разделение на Север и Юг используется для обозначения социальных, экономических и политических различий, существующих между развитыми странами (Север) и развивающимися странами (Юг).

² Недавний очень яркий пример случился в Шри-Ланке, где в результате внедрения новых «зеленых» методов ведения сельского хозяйства возник жесткий дефицит продовольствия, сильный финансовый и экономический кризис, который завершился массовыми протестами и свержением правительства в марте 2022 г. (Koswanage 2022).

вает себя и требуются преобразования, а есть страны, в которых полноценные рыночные отношения еще не сформировались.

Мы полагаем, что в ближайшие десятилетия мир столкнется со сложным континуумом типов, переходов, комбинаций и форм экономических структур. Мы проанализируем два основных типа. В развитых странах произойдет сдвиг в сторону укрепления распределительных институтов. Развивающиеся страны, продолжающие процессы экономической и социально-политической модернизации, в свою очередь, пойдут по пути укрепления капиталистических рыночных институтов, хотя и с некоторыми важными ограничениями, препятствующими эксплуатации и деградации окружающей среды.

Все это произойдет в процессе новой технологической волны, особенно на ее заключительном этапе, то есть приблизительно в 2050–2070-е гг. (об этой волне см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin *et al.* 2024), с развитием процесса интернационализации рабочей силы (через развитие дистанционной занятости) наряду с интернационализацией капитала. Таким образом, важнейшей задачей на ближайшие десятилетия является повышение гибкости социально-экономического развития всех стран мира. Мы считаем, что необходимо найти пути соединения всех лучших черт капитализма, чтобы обеспечить необходимый динамизм и инновационность развития, одновременно смягчая все перекосы, образовавшиеся в результате развития капитализма за последние 20 лет, имея в виду, что за него отвечает не столько промышленный капитализм, сколько глобальный финансовый капитализм. Это также сильно облегчит путь к новому и более справедливому мировому порядку, в котором развивающиеся страны займут более подходящее им место (см., например: Гринин 2016; Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л. 2019).

* * *

Общепризнано, что против России объединились главным образом страны первого мира, так называемого «золотого миллиарда» и Восточной Европы. Большинство же остальных стран не поддержали жесткие санкции, кто по причинам антиамериканизма, противодействия Западу, кто по причинам нежелания наносить себе экономический вред или желая извлечь пользу для себя. Таким образом, **начало СВО и последовавший за этим шквал санкций выявили и усилили раскол между условным первым и третьим мирами**. И в целом в этом конфликте, как мы видим, большинство стран мира заняло открытую или скрытую позицию благожелательного нейтралитета в отношении РФ. Думаем, что в 2023-м и последующих годах это размежевание будет усиливаться, поскольку

ку диктат и непоследовательность США большинству стран не нравятся. Главное же – в глобальном масштабе постоянно идет процесс ослабления первого мира и усиления третьего мира, и Китай – лишь наиболее выдающаяся часть последнего. Но растут Индия и азиатские страны, поднимается и Африка, которая сейчас еще не является заметным субъектом, но относительно скоро (через 10–15–20 лет) таким станет.

Поэтому текущий и ближайшие годы продолжат конфигурацию выстраивания тех или иных новых союзов и блоков, временных союзов и т. п. И их контуры станут немного яснее. Этот процесс, названный нами эпохой новых коалиций, начался в результате экономического кризиса 2008 г. и усилился в период «арабской весны». Мы писали о нем еще начиная с 2009 г.³

Сегодняшние тренды, к сожалению, ведут к более или менее сильной деглобализации (о процессе торможения и отката глобализации см.: Гринин 2018; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019). К сожалению, потому что развитие глобализации (при всех ее недостатках и при всех попытках поставить ее на службу США) изменило в положительную сторону жизнь людей, а также позволило многим странам третьего мира развиваться гораздо быстрее (Коротаев, Гринин 2016; Коротаев 2015а, 2015б; Baldwin 2017; Grinin, Korotayev 2014, 2015). Это происходило во многом потому, что США и другие западные страны перевели большую часть своей промышленности в страны с дешевой рабочей силой. Этот процесс западной деиндустриализации привел к сокращению разрыва между развивающимися и развитыми странами (Гринин, Коротаев 2016; Коротаев, Билюга 2016; Korotayev *et al.* 2011, 2020). Мало того, именно потому, что глобализация стала более выгодна развивающимся экономикам, чем западным странам, США начали тормозить ее и разрушать мировые организации (вроде ВТО). Д. Трамп начал препятствовать торгово-экономической глобализации, а Дж. Байден и его европейские союзники с помощью санкций фактически уже подорвали сами основы экономической глобализации.

³ Подчеркнем, что это не тотальные союзы, какие были в эпоху холодной войны и противостояния США и СССР, когда страны одного блока основные свои контакты замыкали в рамках этого блока. Если можно так выразиться, это многовекторные союзы, где страны по одним направлениям могут сотрудничать, а по другим даже конфликтовать (как в БРИКС, где Индия и Китай являются, образно говоря, «заклятыми друзьями»). Но постепенно роль каких-то союзов и союзов может усиливаться и становиться ближе к тотальным союзам.

Итак, глобализация в ее американской версии заканчивается, но новый этап глобализации непременно будет. Однако когда закончится отлив и начнется прилив, пока неясно. Ясно только, что следующий этап глобализации начнется уже на иных основаниях. Не исключено, что какое-нибудь событие вроде серьезного экономического кризиса (или, не дай бог, новой пандемии) способно будет запустить новую волну глобализации с попытками переустроить мир.

Несмотря на сказанное, общие цели, которые стояли как приоритетные перед большинством стран Мир-Системы еще недавно, никуда не делись. В худшем случае их реализация задержится на некоторое время. И их решение, совместное решение, объективно абсолютно необходимо. Поэтому проблема исследования стратегий их достижения остается актуальной по-прежнему. В настоящей статье обсуждается необходимость избрания разных стратегий для различных групп стран для успешного движения к признанным миром целям. Это цели: сближение уровней развития разных стран, оптимизация демографических проблем, проблемы ограниченности ресурсов и оптимальных темпов роста, уменьшение неравенства в обществах, решение экологических проблем и другие.

Различия в уровнях потребностей стран в развитии и различные типы стратегий и программ для достижения общих мировых целей

Мир быстро меняется. Великая дивергенция (первоначальный отрыв индустриально развитых стран от стран периферии Мир-Системы) сменился на Великую конвергенцию, то есть быстрое подтягивание экономик развивающихся стран к развитым (подробнее см.: Гринин 2013; Акаев 2015; Гринин, Коротаев 2016; Grinin, Korotayev 2015; Baldwin 2017). Очевидно, что проблемы конвергенции будут играть все более важную роль. Однако существуют очень разные скорости в рамках развивающихся стран, среди которых есть быстро растущие (особенно Китай) и достигшие заметных успехов в подъеме уровня жизни (например, страны Персидского залива, Мексика). Есть среди них и так называемые «менее развитые», развитие которых пока идет недостаточно быстро. Особенно много таких стран в Тропической Африке. Поэтому наиболее серьезная проблема, стоящая в этом плане, – встраивание Африки в мировое развитие.

Как бы то ни было, с колебаниями и приостановками, мы видим, что и динамика развитых и развивающихся стран очень раз-

личается. При всех кризисах и сложностях большинство развивающихся стран по причине мощных демографических процессов (общего роста населения, урбанизации) и роста промышленности отличаются заметной динамикой, тогда как динамика развитых стран сильно уменьшилась. Имеется и много других проблем, которые очень заметны в развитом мире, включая рост неравенства (Randers 2012; Schwab, Malleret 2020; Schwab, Vanham 2021).

Так как разные регионы мира имеют разные скорости развития, то и подходы к решению наиболее важных мировых проблем существенно трансформируются для разных групп стран.

В развитых странах в целом уровень потребления вполне удовлетворительный, где-то даже чрезмерный (хотя неравенство в этом отношении в западных странах сильное). Однако то, что верно для развитых стран, неверно для многих развивающихся. Хотя число людей, находящихся за чертой бедности по классификации ООН, уменьшается, и уменьшилось уже значительно, в целом уровень жизни во многих странах, особенно в Тропической Африке и ряде азиатских государств, оставляет желать намного лучшего (см., например: UNDP 2019, 2020, 2022). Поэтому законсервировать уровень жизни этих стран на современном уровне невозможно. Отсюда вопрос о темпах роста экономики, который в последнее время активно поднимается (в смысле необходимости их замедлять), по-разному звучит для развитых и развивающихся стран. Если для первых торможение темпов экономического роста болезненно, но не фатально, то для вторых оно критично, поскольку может привести к серьезному гуманитарному кризису.

Как справедливо замечает Р. Фюкс, «дебаты вокруг общества за пределами роста не учитывают перспективу глобальной динамики роста в ближайшие десятилетия. *Будет расти мировая экономика или нет, решается не в Европе*» (Фюкс 2016: 18; курсив наш. – Авт.). Он подчеркивает, что «речь уже идет не о том, продолжится ли рост мировой экономики, вопрос скорее в том, как он продолжится. Нулевой рост – нереалистичная перспектива, а ввиду масштаба бедности еще и крайне нежелательная. Продолжать в том же духе тоже нельзя» (Там же). Книга Фюкса вполне обоснованно предлагает вступить на «третий путь... – экологически устойчивый, социально приемлемый рост» (Там же).

Поэтому общая задача изменения модели потребления общества и индивидов для развитых стран акцентируется на оптимизации потребления и сокращении излишнего потребления (хотя это нужно делать весьма осторожно и аккуратно, так как значительные

слои и в развитых странах недопотребляют), а для развивающихся стран оптимизация потребления (в том числе и в аспекте движения к сокращению углеродных выбросов) должна идти с акцентом на учет сильного недопотребления в них.

Стало быть, *общее движение к более климато- и экоориентированной экономике (а также к более справедливой в плане распределения) должно идти на разных скоростях, должно позволить сблизить уровни развития разных групп стран.*

Относительно демографических проблем можно сказать, что они сильно различаются даже в рамках развивающихся стран. Часть из них, как Китай, имеет практически те же проблемы, что и развитые, то есть снижение рождаемости, старение населения, исчерпание демографического дивиденда. Другие, как Индия, уже вошли во вторую фазу демографического перехода, рождаемость в них упала и продолжает падать, но население еще молодое, демографический дивиденд огромный. Соответственно, перед ними стоит задача обеспечить это молодое население работой, а следовательно, их экономика должна расти. Третья группа (Тропическая Африка и некоторые азиатские страны) еще совсем недавно вошла во вторую фазу демографического перехода, эти страны должны решить вопрос сокращения рождаемости (Nzimande, Mugwendere 2018; Kebede *et al.* 2019; Schoumaker 2019; Korotayev *et al.* 2016; May, Rotenberg 2020).

Проблема экономического роста и будущего капитализма

Вопрос о будущем капитализма, в том числе о том, имеет ли он вообще будущее, не нов. Но кризис 2008 г. и последующие за ним крупные изменения придали этой проблеме новое звучание. Выше мы отмечали, что эпоха капитализма, основанного на либерально-рыночных принципах и ориентированного на максимизацию потребления и прибыли, подошла к рубежу, за которым капитализм продолжит свою трансформацию в сторону еще большего, чем сегодня, регулирования, в том числе и в международном масштабе. Вопрос о том, как быстро, в каких направлениях будет идти такая трансформация и как она будет проявляться в разных группах стран (развитых, развивающихся, бывших социалистических) и регионах, является очень важным и представляет собой одну из главных интриг развития мира в XXI столетии. *Если в развитых странах, имеющих длительную историю капиталистического развития, капитализм подошел к рубежу серьезной трансформации,*

то многие развивающиеся страны страдают от засилья архаических, докапиталистических отношений.

После кризиса 2008 г. со всей очевидностью проявилась новая, ставшая важнейшей причиной усиления критики капитализма – сокращение доходности внутри США и доходных вложений в мире вообще. Иммануил Валлерстайн даже назвал свою главу в коллективной монографии «Есть ли будущее у капитализма?» (Валлерстайн и др. 2015) «Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным» (Валлерстайн 2015). По его мнению, потому, что он больше не приводит к такому росту капитала, как раньше.

Фактически неолиберализм предлагают заменить неким подобием социализма, причем некоторые макросоциологи, даже не скрывая этого, употребляют термин «социализм», описывая эволюцию нынешнего общества в будущем⁴, тогда как другие предпочитают эвфемизмы (см. также: von Weizsäcker, Wijkman 2018; Schwab, Malleret 2020; Schwab, Vanham 2021; наш анализ этого явления см. также: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021; Гринин 2020)⁵.

⁴ Так, Рэндал Коллинз прогнозирует, что на смену капитализму, скорее всего, придет социализм. Он заключается в государственной собственности или жестком контроле над источниками прибыли, централизованном планировании и перераспределении. На смену погоне за прибылью должна прийти забота о широких массах населения (Коллинз 2015: 105 и далее).

⁵ С некоторых пор социальные мыслители все чаще говорят о том, что от неолиберализма, ставящего на первое место частную инициативу и рост, следует отказаться, а на место его принципов нужно поставить другие принципы, поскольку неверно, что неолиберализм предпочитает конкуренцию солидарности и экономический рост – социальному благосостоянию, что главной целью компаний больше не может быть просто необузданная погоня за финансовой прибылью; теперь они обязаны обслуживать всех своих стейкхолдеров, а не только тех, кто владеет акциями. Упоминается необходимость смены экономической рациональности рыночного капитализма, ставшей императивом современного общества, в пользу понятий «достоинство» и «культура» (то, что важнее понятия «стоимость/цена») в нескольких докладах Римскому клубу (Andersen 2020; Bozesan 2020; Kuenkel 2019; Berg 2019; Lovins *et al.* 2018; Korten 2015). Те же идеи высказывают и некоторые другие аналитики (см.: Collier, Kay 2020; Collier 2018). Среди возможных решений предлагаются следующие меры: адаптивное рыночное общество для снижения негативного влияния потребительства (экологические и социальные издержки потребительства должны быть отражены в рыночных ценах, развитии менее ресурсоемких бизнес-моделей, производственные системы должны быть адаптированы соответствующим образом, а продукты рассчитаны на более длительный срок использования); облегчение перехода к постматериальному обществу; сокращение неравенства, которое стимулирует потребление; изменение восприятия потребления как чего-то, что делает использованный или сломанный продукт непригодным для дальнейшего использования; достаток и более скромный образ жизни; борьба с эгоизмом и отсутствием смысла (Berg 2019: 198–204).

Рецепты и прогнозы здесь сильно различаются, но мейнстрим все сильнее склоняется к чему-то в той или иной мере сходному с социалистическими (или госкапиталистическими) идеями. Поэтому вовсе не удивительно, что в последние несколько лет все активнее ведутся разговоры о том, что капитализм – это плохо, что стремление к прибыли, а также к экономическому росту вредит климату, экологии, в целом человечеству, что его нужно чем-то заменять.

Отметим, что расширенное воспроизводство, то есть экономический рост, – это черта капиталистического хозяйства, которую отмечали многие его исследователи, в частности К. Маркс, а также С. Кузнец (Маркс 1960; Геллнер 1991; Полетаев, Савельева 1993; Abramovitz 1961; Kuznets 1966; Gellner 1983). Без стремления к прибыли нет капитализма. Отсюда возникает очень важный вопрос: в свете наблюдаемой тенденции к торможению глобальных демографических и экономических показателей не возникнет ли в будущем ситуации, когда не будет ни роста, ни возможности увеличивать прибыль? И, если это случится, каково будущее капитализма?

Развитые и развивающиеся страны: к общей цели на разных скоростях

Проблема судьбы капитализма может быть рассмотрена в разных аспектах. Но в контексте темы настоящей статьи она нам видится следующим образом. Капитализм будет развиваться по-разному в развитых и развивающихся обществах.

Первый путь. Это путь развивающихся стран, в которых продолжают процессы социально-экономической модернизации и подтягивания к экономически развитым странам центра современной Мир-Системы. В этих странах недостаточно развиты рыночные институты, ведущими секторами в них в ближайшие десятилетия будут *индустриальные* и *постиндустриальные производства первого типа* (то есть простые, неквалифицированные или недостаточно квалифицированные виды услуг).

Несмотря на то что капитализм в них будет существенно ограничен регуляцией государства и современным уровнем прав трудящихся (в том числе женщин, детей и т. п.), уровень эксплуатации в них (как было в Китае) останется высоким (низкая заработная плата, длинный рабочий день, слабая охрана труда и социальные гарантии и т. п.). То есть условно это уровень капитализма первой половины – середины XX столетия в развитых странах. С учетом гигантской массы недостаточно квалифицированной молодежи и населения средних лет в развивающихся странах другого вариан-

та и быть не может, иначе невозможно обеспечить всех работой. Постепенно ограничение эксплуатации достигнет уровня второй половины – конца XX столетия в развитых странах.

Не исключено, что эти страны (в основном африканские) станут не просто поставщиками сырья и полуфабрикатов, но и в заметной степени (как страны Азии сегодня) мировой мастерской и (как нынешняя Индия) мощным поставщиком сложных услуг, при этом в них будут сочетаться классический и постклассический капитализм наряду с госсocialизмом и госкапитализмом (то есть будут сочетаться и взаимодействовать рыночные и нерыночные институты). Капитал из развитых стран будет идти в эти растущие экономики (в силу сохранения там условий для экстенсивного роста), однако социально-политическая обстановка в них будет нестабильной в силу наличия «молодежного бугра» (особенно в странах Тропической Африки), несовершенства и незрелости политических институтов, наличия так называемых «ловушек развития» (Grinin 2022).

В целом этим странам предстоит сложный путь поиска своей модели модернизации и оптимального сочетания рыночных и нерыночных институтов, адаптированного к местным условиям. Это сложный путь в условиях социально-экономической неустойчивости и значительного числа социально-политических рисков. Успешно пройти его можно будет лишь при поддержке развитых стран, если будет реализовываться **вариант № 2** движения к будущему глобальному обществу. Если же переход к будущему обществу пойдет по **варианту № 1**, то с большой вероятностью неустойчивость процесса модернизации в развивающихся странах будет использоваться элитами развитых стран для сохранения в них «ловушек развития» и социально-политической нестабильности с целью торможения (или обращения вспять) начавшейся с конца XX в. Великой конвергенции.

Второй путь. Это путь современных развитых стран. У них ресурсы роста пока (до новой технологической волны) серьезно исчерпаны. Как уже упоминалось, со второй половины прошлого века в развитых странах стали усиливаться меры регулирования в экономической и социальной сфере с целью сглаживания социальных противоречий, порождаемых либерально-рыночными отношениями. Вместе с тем меняется и сам тип экономики:

а) происходит постепенный переход от преимущественного производства товаров (которое сейчас перемещается в развивающиеся страны) к *постиндустриальному производству второго ти-*

на, то есть к производству сложных, высококвалифицированных видов услуг. Это финансовые, юридические, консалтинговые, рейтинговые, культурные, медицинские и т. п. услуги (отдельно стоит выделить дистанционные услуги в сфере медицины и образования). Этот тренд появился довольно давно и отчетливо прослеживается сегодня, но он еще усилится, поскольку доля данных услуг в мировом разделении труда будет увеличиваться;

б) соответственно, корпорации развитых стран будут все больше ориентироваться на экспорт сложных высококвалифицированных видов услуг, включая и финансовые, при этом для минимизации затрат начнут активно привлекать соответствующих сотрудников в развивающихся странах путем удаленного найма. Это, кстати, может усилить перетекание финансовых ресурсов в развивающиеся страны;

в) будут расширяться сферы использования *удаленной работы* и привлечения к ней огромного числа высококвалифицированных работников с развивающейся периферии (с учетом того, что английский и французский языки во многих странах Африки – государственные). Этот тренд также прослеживается сегодня, но далее станет еще более заметным. Отметим, что это один из важных резервов будущего экономического развития, который покроет недостаток демографических ресурсов в развитых странах. Удаленная работа начнет частично заменять эмиграцию.

Таким образом, можно констатировать, что в развитых странах демографическая стагнация и старение общества существенно сократили ресурсы, но для мира в целом это пока еще не так. Новые ресурсы – это растущее молодое население и возможности удаленной работы во многих развивающихся странах, а также большие возможности в них для роста образования и урбанизации. Объективно перед мировым сообществом стоит важная задача – эффективно использовать демографический ресурс развивающихся (особенно африканских) стран для решения глобальных проблем. Однако эта задача в достаточной мере не осознается. Между тем растущий демографический ресурс развивающихся стран (особенно Черного континента), помимо проблем, о которых много говорят, в мир-системном аспекте может способствовать развитию регионов с пожилым населением. В условиях стремительного расширения возможностей для удаленной работы все больше занятых из развивающихся стран будет связано с экономически развитыми странами. Вовлечение образованной азиатской и африканской молодежи в систему удаленной работы в странах Глобального Севера – это

проект на десятилетия, который одновременно смягчит проблему нехватки трудовых ресурсов в западном мире и Китае и может стать одним из способов снизить безработицу в развивающихся странах, поднять уровень жизни в этих странах, сблизить европейскую культуру и культуры иных континентов. Молодые и растущие группы населения в Азии и Африке в будущем также станут важнейшим ресурсом для систем образования развитых стран, страдающих от недостатка собственной молодежи.

Но главное – это грядущая новая технологическая волна, завершающая фаза кибернетической революции (см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015, 2019). Что же касается конца века и начала XXII столетия, то мы ожидаем замедления темпов технологического роста, а также сокращения роли консюмеризма и в целом современной модели потребления в связи с глобальным старением (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019; Grinin *et al.* 2020). Но и тогда развитие не остановится, сформируется его новый тип. В каком взаимном отношении он будет находиться с современным капитализмом – вопрос отдельного исследования.

Из вышесказанного можно сделать важные предположения о возможных трансформациях Мир-Системы:

1) в ближайшие десятилетия в мире будет наблюдаться сложный *континуум* видов, переходов, комбинаций и форм экономических укладов (с повышением удельного веса постиндустриальных форм). При этом в развитых странах будет наблюдаться смещение в сторону усиления распределительных институтов, а в развивающихся странах, продолжающих процессы экономической и социально-политической модернизации, – смещение в сторону усиления рыночных институтов;

2) усилится процесс *интернационализации рабочей силы* (за счет развития удаленного найма) наряду с интернационализацией капитала;

3) новая технологическая волна (2030–2070-е гг.) – завершающая фаза кибернетической революции, которая будет эпохой широкого распространения саморегулируемых и самоуправляемых систем – принесет новые ресурсы и расширит сферу для производства и услуг, что будет поддерживать экономический рост как в развитых, так и в развивающихся странах;

4) при этом в одних направлениях, в частности медицине, неизбежна очень значительная регламентация экономической деятельности, а в других направлениях, в частности в робототехнике, про-

изводстве самоуправляемых машин (автомобилей и пр.), как раз могут усилиться экономические механизмы рыночно-корпоративного типа⁶;

5) таким образом, важнейшей задачей в ближайшие десятилетия является повышение *гибкости* социально-экономического развития всех стран мира, а именно обретения способности к регулированию соотношения рыночных механизмов и распределительных механизмов в зависимости от сфер деятельности и решаемых задач без давления идеологических догм.

В связи с этим по поводу упомянутой выше дискуссии о судьбе капитализма можно сказать следующее. Капитализм как социально-экономическая система – это продукт уходящей индустриальной эпохи. Каким станет институциональный облик общества будущей кибернетической эпохи – пока не ясно, возможны варианты, о которых говорилось выше: все зависит от того, каким путем в конечном итоге пойдет мировое сообщество. Ясно лишь, что «капитализма как социально-экономической системы» уже не будет, но «капитализм как уклад» останется и, скорее всего, будет занимать важную экономическую нишу. Принципиальным в этом случае становится вопрос: будет ли капитализм ведущим укладом или место ведущего уклада займут другие способы организации производства и распределения? Либо ведущим станет какой-то симбиотический с капитализмом уклад? В любом случае очевидно, что он будет эволюционировать, будет повышаться роль регулирования и социальные функции бизнеса. *Мы считаем, что необходимо найти способы совмещения всего лучшего, что есть в капитализме, чтобы обеспечить нужный динамизм и инновационность развития, в то же время смягчив все перекосы, которые образовались в результате развития капитализма за последние 20 лет, имея в виду, что ответствен за это не столько промышленный, сколько финансовый и глобальный финансовый капитализм.*

Литература

Акаев, А. А. 2015. *От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции. Математическое моделирование и прогнозирование долго-*

⁶ Однако не исключено, что развитие промышленных роботов может задержать Африка, которая имеет шансы превратиться в новую мастерскую мира, в какой-то степени повторяя путь Китая. Но это очень сложный вопрос, требующий серьезного изучения с учетом большой цивилизационной разницы между Китаем и Африкой (ср.: Гринин, Коротаяев 2016).

срочного технологического и экономического развития мировой динамики. М.: URSS.

Валлерстайн, И. 2015. Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным. В: Валлерстайн, И., Коллинз, Р., Манн, М., Дерлугьян, Г., Калхун, К., *Есть ли будущее у капитализма?* М.: Изд-во Ин-та Гайдара. С. 216–265.

Валлерстайн, И., Коллинз, Р., Манн, М., Дерлугьян, Г., Калхун, К. 2015. *Есть ли будущее у капитализма?* М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

Геллнер Э. 1991. *Нации и национализм.* М.: Прогресс.

Гринин, А. Л. 2020. Анализируя глобальные проблемы XXI в. Обзор и прогноз на основе доклада Римскому клубу «Come On!». *Век глобализации* 4: 47–64.

Гринин, Л. Е.

2013. Глобализация тасует карты (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс мира). *Век глобализации* 2: 63–78.

2016. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем. *История и современность* 1: 20–63.

2018. Слабости Америки и президент Трамп. *История и современность* 3: 3–31.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л.

2015. *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего).* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

2019. Современные глобальные тенденции и прогнозы на XXI столетие. *История и современность* 4: 3–35.

2021. Размышления об экономическом росте и будущем. Статья первая. Глобализм vs рост ВВП и «закат Запада». *Философия и общество* 3: 5–34. DOI: 10.30884/jfio/2021.03.01.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2016. *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах.* Волгоград: Учитель.

Коллинз, Р. 2015. Средний класс без работы: выходы закрываются. В: Валлерстайн, И., Коллинз, Р., Манн, М., Дерлугьян, Г., Калхун, К., *Есть ли будущее у капитализма?* М.: Изд-во Ин-та Гайдара. С. 23–60.

Коротаев, А. В.

2015а. Глобальный демографический переход и фазы дивергенции – конвергенции центра и периферии Мир-Системы. *Вестник Института экономики Российской академии наук* 1: 149–162.

2015б. Математическое моделирование процессов Великой дивергенции и Великой конвергенции. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 44: 97–102.

Коротаев, А. В., Андреев, А. И., Зинькина, Ю. В., Фоломеева, Д. А. 2014. О структуре глобальной конвергенции. *Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика* 3–4: 74–82.

Коротаев А. В., Билюга С. Э. 2016. О некоторых современных тенденциях мирового экономического развития. *Вестник Института экономики Российской академии наук* 4: 20–39.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е.

2016. Конвергенция и дивергенция в мировой экономике. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Гринберг, Р. С. (ред.), *Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016. С. 175–225.

2017. Дивергенция и конвергенция в мировой экономике. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Бондаренко, В. М. (ред.), *Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 252–308.

Маркс, К. 1960. Капитал. Т. II. Гл. 21. В: Маркс, К., Энгельс, Ф. *Соч.*: в 50 т. 2-е изд. Т. 24. М.: Политиздат, 1960. С. 556–596.

Полетаев, А. В., Савельева, И. М. 1993. *Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования)*. М.: Наука.

Садовничий, В. А., Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. 2014. *Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики*. М.: Наука.

Фюкс, Р. 2016. *Зеленая революция: экономический рост без ущерба для экологии*. М.: Альпина нон-фикшн.

Abramovitz, M. 1961. The Nature and Significance of Kuznets Cycles. *Economic Development and Cultural Change* 9(3): 225–248.

Andersen, L. R. 2020. *Bildung – Keep Growing. A Report to the Club of Rome*. N. p.: Nordic Bildung.

Baldwin, R. 2017. *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Berg, C. 2019. *Sustainable Action: Overcoming the Barriers. A Report to the Club of Rome*. New York: Routledge.

Bozesan, M. 2020. *Integral Investing. From Profit to Prosperity. A Report to the Club of Rome*. Cham: Springer.

Collier, P. 2018. *The Future of Capitalism*. London: Allen Lane.

Collier, P., Kay, J. 2020. *Greed is Dead: Politics after Individualism*. London: Allen Lane.

Gellner, E. 1983. *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell.

Grinin, L. 2022. Revolutions of the 21st Century as a Factor of the World System Reconfiguration. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_38.

Grinin, L., Grinin, A., Korotayev, A. 2024. *Cybernetic Revolution and Global Aging. Humankind on the Way to Cybernetic Society, or the Next Hundred Years*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-031-56764-3.

Grinin, L., Korotayev, A.

2014. Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures: The Journal of New Paradigm Research* 70(8): 515–545.

2015. *Great Divergence and Great Convergence: A Global Perspective*. Cham: Springer.

Kebede, E., Goujon, A., Lutz, W. 2019. Stalls in Africa's Fertility Decline Partly Result from Disruptions in Female Education. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 116(8): 2891–2896. DOI: 10.1073/pnas.1717288116.

Korotayev, A., Bilyuga, S., Shishkina, A. 2020. Which Countries Generate Kondratieff Waves in Global GDP Growth Rate Dynamics in the Contemporary World? *Journal of Globalization Studies* 11(1): 33–63. DOI: 10.30884/jogs/2020.01.03.

Korotayev, A., Goldstone, J., Zinkina, J. 2015. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change* 95: 163–169.

Korotayev, A., de Munck, V. 2013. Advances in Development Reverse Inequality Trends. *Journal of Globalization Studies* 4(1): 105–124.

Korotayev, A., Zinkina, J. 2014. On the Structure of the Present-Day Convergence. *Campus-Wide Information Systems* 31(2–3): 139–152.

Korotayev, A., Zinkina, J., Bogevolnov, J., Malkov, A. 2011. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Journal of Globalization Studies* 2(2): 25–62.

Korotayev, A., Zinkina, J., Goldstone, J., Shulgin, S. 2016. Explaining Current Fertility Dynamics in Tropical Africa from an Anthropological Perspective: A Cross-Cultural Investigation. *Cross-Cultural Research* 50(3): 251–280. DOI: 10.1177/1069397116644158.

Koswanage, N. 2022. How Sri Lanka Landed in a Crisis and What It Means. *Bloomberg* April 4. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-04/>.

Kuznets, S. S. 1966. *Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread*. New Haven, CT: Yale University Press.

Korten, D. C. 2015. *Change the Story, Change the Future: A Living Economy for a Living Earth*. Oakland, CA: Berrett-Koehler Publishers.

Kuenkel, P. 2019. *Stewarding Sustainability Transformations: An Emerging Theory and Practice of SDG Implementation*. Cham: Springer.

Lovins, H. L., Wallis, S., Wijkman, A., Fullerton, J. 2018. *A Finer Future. Creating an Economy in Service to Life*. Gabriola Island: New Society Publishers.

May, J. F., Rotenberg, S. 2020. A Call for Better Integrated Policies to Accelerate the Fertility Decline in Sub-Saharan Africa. *Studies in Family Planning* 51(2): 193–204.

Nzimande, N., Mugwendere, T. 2018. Stalls in Zimbabwe Fertility: Exploring Determinants of Recent Fertility Transition. *Southern African Journal of Demography* 18(1): 59–110.

Randers, J. 2012. *2052. A Global Forecast for the Next Forty Years. A Report to The Club of Rome*. White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing.

Schoumaker, B. 2019. Stalls in Fertility Transitions in Sub-Saharan Africa: Revisiting the Evidence. *Studies in Family Planning* 50(3): 257–278. DOI: 10.1111/sifp.12098.

Schwab, K., Malleret, Th. 2020. *COVID-19: The Great Reset*. N. p.: Forum Publishing. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf>.

Schwab, K., Vanham, P. 2021. *Stakeholder Capitalism*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

UNDP

2019. *Human Development Report 2019: Beyond Income, beyond Averages, beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century*. New York, NY: United Nations Development Programme.

2020. *Human Development Report 2020: The Next Frontier – Human Development and the Anthropocene*. New York, NY: United Nations Development Programme.

2022. *Human Development Report 2021/22: Uncertain Times, Unsettled Lives*. New York, NY: United Nations Development Programme.

Weizsäcker, E. U. von, Wijkman, A. 2018. *Come On! A Report to the Club of Rome*. Cham: Springer.

What is “South-South Cooperation” and Why Does it Matter? 2019. *United Nations. Department of Economic and Social Affairs* March 20. URL: <https://www.un.org/development/desa/en/news/intergovernmental-coordination/south-south-cooperation-2019.html>.